

Дети как дети, и школа как школа... Только идут эти дети по утрам на занятия не только с портфелями, но еще и с черными футлярами. А в самой школе из-за дверей классов доносится музыка Бетховена, Шопена, Чайковского, Глинки... Это Центральная музыкальная школа при Московской консерватории имени Чайковского.

Кто знает, сколько среди этих ребят будущих знаменитых музыкантов. Вот Таня Беспахотная, запечатленная на нашем снимке. Может быть, ей суждено стать второй Галиной Бариновой. А Володя Фельцман (за роялем) со временем ждет успех Вана Клиберна!

— Загадывал всегда трудно, — говорят преподаватели школы, — но у нас уже и теперь есть свои знаменитости, чьи имена на известны далеко за пределами страны. Например, 16-летний пианист Алексей Наседкин, ученик 10-го класса. Он получил первую премию на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Боне. Таких у нас немало.

Иные будущие знаменитости еще так малы, что еще видны из-за инструмента, особенно такого, как контрабас или арфа. Ну что ж, дети есть дети...

Ученики музыкальной школы радуются окончанию уроков ничуть не меньше, чем их товарищи из обычных школ. Еще бы! Впереди — полная игр во дворе, возможно, — поход в кино, возможно, — мороженое...

— Не шалите на улице, Моцарты! — ворчливо и в то же время ласково напутствуют их уборщицы.

Фото А. КНЯЗЕВА

Золотые рога

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Мы идем, открываяворота из одного загона в другой. Высокая трава хрустит под ногами. Огромные листья стоят редко, смыкая высоко наверху тяжелые кроны. Лес — чистый, как парк, торжественный, как колоннада храма. Такой лес бывает только здесь, на Алтае.

Пальмы останавливают меня. Маралы. Они метрах в ста. Я не сразу различаю их на фоне красноватых стволов. Проходит немного секунд, пока глаза привыкают. Маралы застыли, повернувшись к нам головами. Это самцы. Ветлистые рога их серебристо блескуют. Да же отсюда издали, чувствуется тяжесть этих огромных рогов, образующих целый лес. Маралов около полуторы. Они стоят так близко друг к другу, как позволяют им рога, и солнечные пятна лежат на их бурных боках.

— Король-оленя. Видели? — шепчет Пальцын. — Золотые рога. Корона... Валюта...

Грузный, мрачноватый Пальцын пробрался в стаю. В голосе его нежность. Маловоднико, всегда озабоченные, строгое лицо становится мягким, мечтательным.

Маралы успокоились. Они разбредаются, щиплют траву, легкие и тихие, несмотря на свою огромность; лишь несколько стариков остаются на страже, недвижимые, как скульптурные изваяния. Иногда они царственно подводят головами, и тогда панты их, похожие на небольшие деревца, отливают матово, платиной. Стойт свистнуть ими, и шагнуть вперед, и стадо замрет. Еще шаг, и они исчезают между деревьями бесшумно, как призраки.

Мы приехали в начале сезона резких пантов. Сезон короткий, нужно успеть срезать все панты — иначе они закостенеют, превратятся в обычные рога и потерян ценности.

Пантовка и вся техническая обработка пантов — длинная цепь тонких операций, созданных более чем столетним опытом алтайских мараловодов.

Прежде всего надо поймать марала, провести его через систему загонов к «разлучнику», в котором есть специальный станок для резки пантов.

Мы следим, как загонщики на лошадях подбираются в стаду, чтобы отдельить выбранных быков. Начинается неизвестно на вывоз.

— Пересорност меня хочешь, — кричит ему Килин. — Нет, парен, ты еще не раскусил.

Когда Килин сердится, движения его становятся тягучими, кошаща-плывущими. Выжидал, он сидит на заборе, припасывающе-ленивую позу. Вдруг он делает неуловимо быстрый рывок, и матерый марал отжимается от забора, пугающим криком, лишь бы не идти туда, куда его толкают. Животные гораздо привлекают нас усваивают печальные уроки прошедшего.

В тесной клетушке он с непостижимым проворством успевает увиливать от ударов и все время загораживает ход молодому.

— Затираешь молоденки! — говорит Килин.

Марал смотрит на него: «Слышихи, не на такового напал, ваши штучки мне известны».

Марал может часами рассказывать о том, как отделан срез панта, как удалила сушки, варка, чем хорошо каждый из пяти отростков. Как часто то, что мы считаем простым, есть, сущности, наши невежество. К сожалению, невежество куда решительнее знания.

Килин может часами рассказывать о том, как отдал срез панта, как удалила сушки, варка, чем хорошо каждый из пяти отростков. Как часто то, что мы считаем простым, есть, сущности, наши невежество. К сожалению, невежество куда решительнее знания.

Маралы огромными прыжками мчатся сквозь чащу, с ходу перепрыгивают через глубокий овраг. Погоня кажется бессмыслицей. Я смотрю на своих спутников. Они разговаривают о штатном расписании.

— И всего пятьдесят рублей на месяц, — говорит Килин. — И девушка подходит есть.

Из леса выбегают два марала. За ними, покрикивая, скакут загонщики. Маралы влетают в распахнутые ворота «разлучника». Я не успеваю разобраться, как их перехитрили. Маралы — тоже.

— Чем не ковбой! — с гордостью говорит Пальцын.

Марал не безобидная корова, и алтайские горы не равнины Техаса. И на марала не накинут лассо. Нет, работа с маралами куда опаснее, сложнее и, я бы сказал, краеewise. Мне вспомнились бесчисленные хорошие и плохие кинокартинки о ковбоях, ковбойские романы и рассказы могут составить большую библиотеку, поколения писателей, режиссеров проповедовали американского ковбоя, создали романтический образ мужественного холода прерий.

Я смотрел на молодых ребят, потных, разгоряченных, соскочивших с коней; мне было обидно за них и стыдно перед

Панты взвешиваются. Каждый тянет по десяти с половиной килограммов. Мягкие, покрытые нежной серебристой щерсткой, они еще теплы на ощупь. Нечего сказать, удовольствие носить такую тяжесть на голове. Впрочем, чего не сделаешь ради любви. Осторожно панты, полные крови, несут в сумки.

Килин продолжает воевать со старым маралом.

— Оставь его, — говорит Пальцын, — пусть перебесится.

Разъяренный марал поднялся на дыбы, бьет ногами изгородь. Толстые бревна трещат. Он великолепен; и даже сиреневая, слишком тяжелая некрасивая морда великолепна и величественна.

Лучше не рискуй, — говорит Пальцын.

У Килина болит нога. Он командует приготовить веревки. Красное лицо его затвердело.

— Осторожно! — говорит Пальцын.

— Не беспокойся, — говорит Килин. — Он слишком много думает о себе.

Он кидает на землю веревочную петлю. Марал отскакивает, пригнув голову, подозрительно осматривает петлю. Килин перелезает в загон, он висит на заборе, но внутри загона, и марал может легко достать его рогами, если, конечно, не успеет.

— Привинец, — говорит Килин, — несознательный парнишев!

Он плавно покачивает веревку, петля ползет к ногам марала. Когда она касается копыт, марал прыгает.

— Попался, хулиган! — кричит Чернышев.

Я не вижу, как это случилось, потому что смотрю на Килина. Нет ничего прекрасней, чем вид искусно работающего мастера. У Килина простое, грубоватое лицо, приземистая фигура, но сейчас он на редкость хороши.

Ноги марала спущены веревкой, его силком тянут в спутник.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Маралы сидят на земле, сидят на синих скамейках, сидят на скамейках в Усть-Коксе.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

Марал хрюпит, ревет от гнева, унижения и бессилия. Он не хочет рассстаться с панты.

НОВАТОРСТВО И ОРИГИНАЛЬНИЧАНЬЕ

Н ЕДАВНО я вместе с одним начальствующим писателем, вооруженным фотоаппаратом, ездили на стройку. Мой спутник был разборчив, даже привередлив при выборе «натуры». Но его словам, только «необычные» фотографии и наблюдения могут «составить» интересный репортаж...

Вначале мы ходили и ездили сообща, потом разделились. И вот, случайно встретив спутника во время «самостоятельного обхода», я заметил нечто такое, чего не замечал раньше. Он охотно обращал внимание своего фотографа на виды, имеющие мало общего со строительством, на то, что мы обычно называем «вчерашними», даже брошенными в ящики для исторического хлама. Так, его привлек угол в каком-либо неблагоустроенным общежитии рабочих; или по городу, он фотографировал старинную деревенскую подводу с решетчатым кузовом, к которому привязана коза, или торговцев баражом на толкучке. И все — в «оригинальных», «изысканных» ракурсах.

— Для чего это вам? — наконец не выдержал я.

— Фиксирую факты действительности. Организую дневник поездки.

— С таким материалом? — я не мог поверить в серьезность этих слов.

— Почему бы нет? Я не гоняюсь за традиционными, избитыми, а ишу необычайное. Как известно, настоящее искусство было в необычайном. Вы говорите: реалистические традиции нашей литературы?.. Теоретически — да, но фактически все яркое и новое, чего ждет читатель, можно донести только через необычное. Вы с этим не согласны? А разве на Третьем съезде писателей не говорилось о необходимости следить за новым, за тем, что не является рабоченным повторением старого?

Молодой человек весьма странно воспринял правильные требования новаторства, обогащения художественных средств. Ему кажется, что он мыслит «широко», на деле мастерство для него сводится к поискам «крайних» приемов и «крайних» деталей. Он не согласился со мной, когда я стал уверять, что, раскрывая существенный смысл жизненных явлений, искусство социалистического реализма и борется тем самым за новую, все возрастающую культуру слова и изобразительных средств, чтобы в угоду отдалому слову читателей изображать жизнь в виде комплекса «необычайностей» или узкосубъективных переживаний.

История свидетельствует, что латышская литература, так же как литература русского, украинского и других народов ССР, развила и окрепла благодаря своему революционному отношению к действительности, своей идентичности, общественной значимости. Я. Райнис и А. Унгис, В. Белшевич, недавно публикуют узкониттимистские стихотворные послания без какого-либо общественного звучания — стихи, подобные тем, что в обиходе встречались в журналах буржуазной Латвии 30-х годов. Вот уж поистине — пойдешь налево, придется направо, хочешь «нового», — поворачивай старое!

Во всем этом нельзя не разглядеть тенденцию некоторых литераторов сознательно или бессознательно отстраняться от великих традиций латышской реалистической литературы, от классового подхода к явлениям искусства, чтобы в угоду отдалому слову читателей изображать жизнь в виде комплекса «необычайностей» или узкосубъективных переживаний.

— Есть еще и другие читатели, — твердил мой собеседник. — Будущее решит...

...В Латвии этот аргумент впервые зазвучал в 1956 году, когда некоторые неуважавшиеся литераторы выступили против социалистического реализма с утверждением, что, мол, будущее покажет, насколько ошибочно «традиционное» требование партийности в искусстве.

«Будущее решит»... В Латвии этот аргумент впервые зазвучал в 1956 году, когда некоторые неуважавшиеся литераторы выступили против социалистического реализма с утверждением, что, мол, будущее покажет, насколько ошибочно «традиционное» требование партийности в искусстве.

После дискуссий по вопросам социалистического искусства, после разоблачения идеологии ревизионистов открытые отрицатели партийности в искусстве пришли, зато активизировались разного рода прородители «третий суда будущего». Высказывалось сомнение, целесообразно ли уже сегодня писать о людях нашего времени, потому что, дескать, сама история литературы свидетельствует, что поистине великие произведения рождаются после некоторого промежутка времени. Началась погоня за «новаторством»; проповедники «искусства будущего» уверяют, что читатель «устал от превратной идейности», что он жаждет «точности», «необычайности» выражения.

Как и во всей советской литературе, в латышской литературе ведется борьба за повышение художественного мастерства, против серости, бедности изобразительных средств, «застывшего», тупорогого

языка. Мы все стоим за подлинное новаторство, разделяя лозунг Маяковского: «поэзия — вперед — вперед в неизвестное».

В писательской организации Латвии произошла перестройка творческой работы, что сказалось, в частности, и на работе критиков. Это — отрадное явление. Однако развитие и обогащение художественного мастерства отнюдь не означает забвения идентичности, партийной точки зрения на жизнь и события. И поэтому, когда мы сегодня читаем беззубые рецензии о бедных мыслями стихотворных сборниках, когда вслушиваемся в разговоры отдельных литераторов о «третий суде будущего», о том, что поиск новых художественных средств изображения, «оригинальный подход» к жизненным фактам самодельны, интересны сами по себе, — мы считаем своим долгом выступить против утверждений, идущих вразрез с традициями советской литературы.

Вначале мы ходили и ездили сообща, потом разделились. И вот, случайно встретив спутника во время «самостоятельного обхода», я заметил нечто такое, чего не замечал раньше. Он охотно обращал внимание своего фотографа на виды, имеющие мало общего со строительством, на то, что мы обычно называем «вчерашними», даже брошенными в ящики для исторического хлама. Так, его привлек угол в каком-либо неблагоустроенным общежитии рабочих; или по городу, он фотографировал старинную деревенскую подводу с решетчатым кузовом, к которому привязана коза, или торговцев баражом на толкучке. И все — в «оригинальных», «изысканных» ракурсах.

— Для чего это вам? — наконец не выдержал я.

— Фиксирую факты действительности. Организую дневник поездки.

— С таким материалом? — я не мог поверить в серьезность этих слов.

— Почему бы нет? Я не гоняюсь за традиционными, избитыми, а ищу необычайное. Как известно, настоящее искусство было в необычайном. Вы говорите: реалистические традиции нашей литературы?.. Теоретически — да, но фактически все яркое и новое, чего ждет читатель, можно донести только через необычное. Вы с этим не согласны? А разве на Третьем съезде писателей не говорилось о необходимости следить за новым, за тем, что не является рабоченным повторением старого?

Вот несколько примеров. Молодой романист Вискаудис Эгон вполне серьезно утверждает, что пишет «для будущего», и не перестает рекламировать свою повесть «Беззная лялия», действительно, довольно оригинальную по форме, но в то же время проникнутую весьма неоригинальной философией безудержной «свободы личности». По-настоящему талантливые поэты Ария Элансне, Визма Белшевич, недавно публикуют узкониттимистские стихотворные послания без какого-либо общественного звучания — стихи, подобные тем, что в обиходе встречались в журналах буржуазной Латвии 30-х годов. Вот уж поистине — пойдешь налево, придется направо, хочешь «нового», — поворачивай старое!

Во всем этом нельзя не разглядеть тенденцию некоторых литераторов сознательно или бессознательно отстраняться от великих традиций латышской реалистической литературы, от классового подхода к явлениям искусства, чтобы в угоду отдалому слову читателей изображать жизнь в виде комплекса «необычайностей» или узкосубъективных переживаний.

История свидетельствует, что латышская литература, так же как литература русского, украинского и других народов ССР, развила и окрепла благодаря своему революционному отношению к действительности, своей идентичности, общественной значимости. Я. Райнис и А. Унгис, В. Судрабалин и В. Лайцен, — отдельные темы, что в обиходе встречались в журналах буржуазной Латвии 30-х годов. Вот уж поистине — пойдешь налево, придется направо, хочешь «нового», — поворачивай старое!

Когда я стал уверять, что, раскрывая существенный смысл жизненных явлений, искусство социалистического реализма и борется тем самым за новую, все возрастающую культуру слова и изобразительных средств, чтобы в угоду отдалому слову читателей изображать жизнь в виде комплекса «необычайностей» или узкосубъективных переживаний.

Если же я стал уверять, что, раскрывая существенный смысл жизненных явлений, искусство социалистического реализма и борется тем самым за новую, все возрастающую культуру слова и изобразительных средств, чтобы в угоду отдалому слову читателей изображать жизнь в виде комплекса «необычайностей» или узкосубъективных переживаний.

— Есть еще и другие читатели, — твердил мой собеседник. — Будущее решит...

...В Латвии этот аргумент впервые зазвучал в 1956 году, когда некоторые неуважавшиеся литераторы выступили против социалистического реализма с утверждением, что, мол, будущее покажет, насколько ошибочно «традиционное» требование партийности в искусстве.

«Будущее решит»... В Латвии этот аргумент впервые зазвучал в 1956 году, когда некоторые неуважавшиеся литераторы выступили против социалистического реализма с утверждением, что, мол, будущее покажет, насколько ошибочно «традиционное» требование партийности в искусстве.

После дискуссий по вопросам социалистического искусства, после разоблачения идеологии ревизионистов открытые отрицатели партийности в искусстве пришли, зато активизировались разного рода прородители «третий суда будущего». Высказывалось сомнение, целесообразно ли уже сегодня писать о людях нашего времени, потому что, дескать, сама история литературы свидетельствует, что поистине великие произведения рождаются после некоторого промежутка времени. Началась погоня за «новаторством»; проповедники «искусства будущего» уверяют, что читатель «устал от превратной идейности», что он жаждет «точности», «необычайности» выражения.

Как и во всей советской литературе, в латышской литературе ведется борьба за повышение художественного мастерства, против серости, бедности изобразительных средств, «застывшего», тупорогого

Ян НИЕДЕР

РИГА

ПОСВЯЩЕНИЕ

М. СВЕТЛОВ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Все ювелирные магазины —
Они твои,
Все дни рождения, все именины —
Они твои.
Все устремления молодежи —
Они твои,
И смех, и радость, и песни — тоже
Они твои.
И всех военных оркестров трубы —
Они твои,
И всех счастливых влюбленных губы —
Они твои.
Весь новый город, все эти здания —
Они твои...
Все горечь жизни и все страданья —
Они мои...

Уже светает, уже порхает
Стрижей семья...
Не засыпает, не отдыхает
Любовь мои.

— Да как тебе, девочка, звать-то?
— Зовут Зовуткой, величили Уткой.

Народная сказка

Г ОДА два назад, летом, девушка-девятнадцатилетница, очень взведенная новинками, ворвалась к директору школы, которую она кончала.

— Павел Петрович, — со странной тревогой спросила она, — вот когда вы будете нам аттестовать, выдавать, вы их как? Со словом будете выписывать или по метрике?

— Ну что ты, Велира, — ответил директор, — как же «со слов»? По документам, разумеется.

Когда краиному изумлению девушки вспыхнула слезы из глаз.

— Ах так? Тогда не нужно никакого аттестата; тогда мне все равно; тогда я ничего не хочу...

И она выбежала из кабинета.

Не зная, что подумать, директор посыпал в молчании, а потом приказал дать ему дело, ученицы Григорьевны. Найдя метрику, он вглядился в нее, наложил очки, всмотрелся еще раз и легонько скиснул. В метрике было написано: Фамилия: Григорьева. Имя: ВЕЛИКАЯ РАБОЧИЙ. Родилась 7 мая 1938 года.

Как же теперь с ней быть?

А в самом деле, как же быть с наими-именами, дорогие товарищи? Говорят, что наименование, которое ты называешь, задает тебе этот вопрос. Протянув руку, я выдвинул один из ящиков моей картотеки, тот, на котором написано: «Новые советские имена», и чудеса начинают являться на свет друг за другом.

Человека зовут ВТОРПИТ: Вторит Иванович. Лет ему двадцать пять, может быть больше. Вторпитет? Что бы это могло обозначать? «Вторичное питание»? «Вторник перед июльским теплом»?

Но, во-первых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идей). В детстве она была Идочкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать его с другой, не вашей фамилией. А знаете, что из этого получается порой?

Жила была девчурка, называемая ИДЕНЕЙ (у нас теперь много подобных Иденей). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

Идея — это первое, что приходит в голову, когда вы слышите это имя.

Но, во-вторых, можете ли вы поручиться, что ваша чадо окажется похожим на этого имени приобретенными ИДЕЕЙ (у нас теперь много подобных Идеи). В детстве она была Иденкой, и впоследствии — Илонкой, и впоследствии — Ильиной. А Илонка, если женское — сочетать ее с другой фамилией, и вот она — Иденей Рогнеда — старинное имя.

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ. 196... ГОД

Завесу сбросил век...

В ЭТОМ году я впервые видел Москву, облаченную в великолепие огней, и впервые смотрел с трибуны на могучий поток строителей коммунизма на Красной площади.

До этого я тоже не раз видел Красную площадь во время народных манифестаций, но лишь в своем воображении. Я думал об этом в годы войны, когда смерть кружила повсюду, когда фашисты вырывали детей из материнских объятий, в концентрационном лагере, в разрушенных Лидиах. Я думал об этом и после войны ежегодно на Староместской площади — посреди многосторонней толпы, которая в едином порыве славила Великий Октябрь.

Часы, что я провел на Красной площади, были полны для меня неповторимого волнения. Они никогда не забудутся. Перед глазами прошла вся моя жизнь. Передо мной встали нынешние дни, превращающие меня Чехословакию в цветущий сад; я думал о том чувстве уверенности и безопасности, которое испытывали мы, стоящие бок о бок с гигантской Советской страной...

Но не только прошедшими и настоящими вспоминало на меня. Будущее открыло передо мной зрячую картину грядущего мира — мира без насилия и войн. Ведь здесь, на улицах ликующей Москвы, в семьях, где за праздничным столом собирались друзья, — повсюду в глаза бросалось страстное стремление к миру: это является неотъемлемой частью жизни, труда и мышления советских людей. Каждый честный человек носит в себе жажду полного мира. Мы, коммунисты, знаем путь к нему. Вот почему не случайны огромные успехи советской науки в открытии тайн космоса; это — не только чудеса техники, в них неустанные заботы о счастье человека, живущего на нашей планете. Вот почему и

Ян ПИЛАРЖ,
чешский писатель

советское предложение о всеобщем разоружении, и такие волнующие события, как запуск ракеты к Луне, — это начало новой эры.

«Завесу сбросил век — и мир воскрес», — сказал чешский поэт. Когда я слушал по радио доклад Н. С. Хрущева на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, у меня было точно такое же ощущение. Я слышал, как затрепетали льды «холодной войны», когда история с лучезарным лицом двинулась в поход. Я видел голубое утро своей прекрасной страны, за западной границей которой уже не караулил ждла американских пушек и в лесах которой уже не рыскают агенты западных разведок. И мои матушки, живущая неподалеку от этих границ; она стоит перед деревенской хатой и говорит: «Да, то, что мы пережили, никогда не вернется. Жизнь благогодата, как нивы, и ласкова, как прикосновение нежной руки».

Примерно то же хотел бы сказать я. Мы не желаем ничего, кроме того, чтобы народы мира соревновались друг с другом в остроте ума и качестве труда. Чтобы никогда вновь не погибли миллионы людей, чтобы никто не голодал и не подвергался эксплуатации, чтобы матери раздавались счастью своих детей, чтобы нельзя было по чьей-то прихоти разделить город, страну, семью, гору и реку. Чтобы сгинули льды «холодной войны» и само это слово, слово современного средневековья, было навеки вычеркнуто из языка людей. Чтобы ученыe совместными усилиями открывали тайны природы и избавили человечество от призрака

страшной болезни — рака, чтобы наука глубже проникала в жизнь людей...

Именно в этом — смысл усилий и стремлений народов социалистического мира. Пропаганда поборником «холодной войны» делала все, чтобы в глазах людей эта наша мирная программа была поставлена с ног на голову. Но всему этой концепции Правда выйдет на свет, несмотря на нее. Правда лжепророков неизбежно приближается к своему концу. История каждого из нас убеждает нас в этом. У нас в буржуазной Чехословакской Республике был президент Т. Масарик. В школах младшего возраста его называли прозорливым философом и гуманным политиком. Но какой же это лживовидец? В 1925 году, когда Коммунистическая партия нашей страны боролась за признание Советского Союза, он сказал о нашей стране социализма: «Русские неспособны построить коммунизм». И бы сказал, что большевистская политика, если ее характеризовать одним словом, примитивна. Тот, кто еще учится писать и считать, не может овладеть интегральным исчислением». Этую глуповатую ухмылку западная пропаганда обогрьвала вплоть до запуска первого спутника, поразившего мир. Советская наука в гигантском порыве перенесла хваленую американскую цивилизацию. Ныне становится все более актуальным вопрос, поставленный недавно американским идеологом и дипломатом Кеннеди: «У Америки долго не было в мире достойного партнера. Теперь есть, и возникает вопрос, есть ли достойный партнер у Советов...»

Наш труд, моральные качества наших народов, экономическая мощь социалистического лагера, сила нашей культуры и науки — вот аргументы, которые наконец приведут к исчезновению льдов «холодной войны».

Мы направляем сегодня наш путь к солнечному утру мира, к цветущей земле, к покоренному космосу, пропускаемо ми усиками спутников и лунников, к дружбе между людьми и народами, к великому будущему — коммунизму!

◆◆◆◆◆

ГОЛОС АНГЛИЙСКИХ МЕТАЛЛУРГОВ

РАСКАЛЕННАЯ добела струя металла хлещет из огромного ковша. Рядом стоит человек. Спокойны и уверены его движения. Он — литецкий, укротитель этой бушующей огненной стихии...

Такое изображение мы увидели на юбилейном значке, подаренным гостям из Англии — рабочими-металлургами. В нынешнем году Объединенный профсоюз литецов Великобритании празднует 150-летие со дня своего основания. Но, как говорится в официальном заявлении делегации этого профсоюза, гостиница в СССР, и сейчас перед ним стоят те же задачи, что и полтора века назад: борьба за повышение заработка, за сокращение рабочего дня и установление основного права мужчин и женщин трудиться и быть уважаемыми членами общества. «150 лет упорной борьбы не привели к осуществлению этих старых требований...»

Что думают английские литецкие о жизни без «холодной войны»? Как представляют они себе результаты уничтожения всех необходимых средств для «горячей» войны? Эти вопросы мы задали руководителю делегации Объединенного профсоюза литецов Великобритании Фреду Буллоку.

— Прежде всего нужно сказать, что план Хрущева о всестороннем разоружении — это огромная сила, вызов, брошенный всему миру. Если советские предложения будут приняты и начнут претворяться в жизнь, то нет сомнения в том, что это немедленно отразится на экономике Запада, и я, как сказал, отрицательно. Дело в том, что на Западе, в частности в Англии и Америке, существует извечная жгучая проблема — нескоршающийся рынок рабочей силы. Даже сейчас, когда в военном производстве заняты миллионы рабочих, предложение рабочей силы в десятки раз превышает спрос. Разоружение для Запада — это сотни тысяч рабочих, выброшенных на улицу, массовые докуны, голодные марши и так далее. А бывшие солдаты, летчики, моряки? Их судьба представляется мне крайне незавидной.

Я говорю так потому, что глубоко убежден в неспособности капиталистической экономики существовать без выпуска военной продукции, в отличие от

А. МАМОНОВ

Н. ЛИСОГОРСКИЙ,
художник

ЭТО БУДЕТ ТАК...

...Закрыты все военные академии, училища; их аудитории заполнились веселыми ребячьими гомоном. На черных классических досках уже не схемы военных операций, а доказательства теоремы Пифагора. Педагоги в восторге — наконец-то у них есть все необходимые пособия для занятий, и в классах зимой у Джека и у Джорди не замерзают чернила. Миллионы солдат сняли с себя «обмундирование» и заменили его человеческой одеждой. А мундиры — мундиры тоже пригодятся. Ими можно будет обеспечить все огорода для борьбы с пернатыми вредителями. Вот в таком виде:

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм К-4-06-05, международной жизни — К-4-03-48, отдельный литература народов СССР — К-4-59-17, информации — К-4-08-69, писем — К-4-04-62, разделы: литература и искусства — К-1-15-23, издательство — К-4-11-68, Комуникатор — К-5-00-00).

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Делберт Манн: «Наши страны должны обмениваться

культурными ценностями»

Корреспондент «Литературной газеты» посетил постановку американского кинофильма «Марти» г-на Делберта Манна, приехавшего в Москву на премьеру фильма.

— Какое развитие примет культурный обмен между Советским Союзом и Соединенными Штатами в случае ликвидации «холодной войны»?

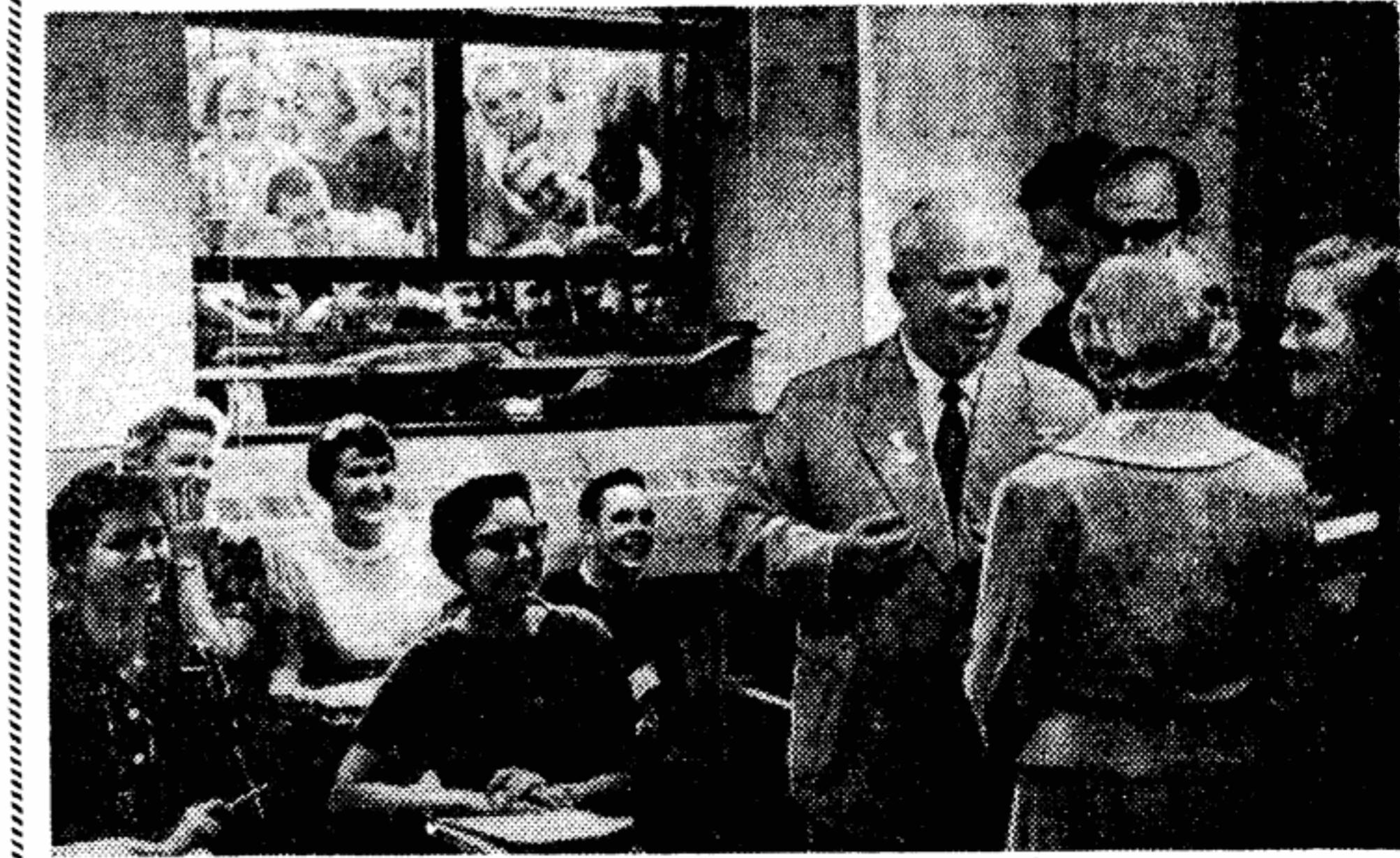
— По-моему, двух мнений по этому вопросу быть не может. По мере ликвидации «холодной войны» культурный обмен будет все более и более расширяться.

— Позвольте, двух мнений по этому вопросу быть не может. По мере ликвидации «холодной войны» культурный обмен может быть не только следствием уменьшения напряженности в международных отношениях, но и сам может способствовать ее разрядке.

— Как даете оценку первому спутнику, поразившему мир?

— Прежде всего, я бы хотел сказать, что это было нечто историческое. Это было открытие письма советского кинодраматурга Юрия Кроткова американскому постановщику Майклу Тодди. В письме предполагалось освещение совместной постановки фильма о русско-американском сотрудничестве времен гражданской войны в Америке. К сожалению, Тодд вскоре погиб в авиационной катастрофе, и предложение осталось без ответа.

— Мне нравится эта идея, — говорит г-н Манн. — Я, например, был бы очень рад возможности поставить фильм вместе с советскими кинематографистами. Думаю, что ликвидация «холодной войны» даст возможность осуществить эту интересную идею.

Тепло встретили советских гостей студенты Эймского университета. На снимке — в одной из аудиторий факультета домоводства.

Снимок из журнала «Советский Союз»

ФОТОЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОГО СОБЫТИЯ

Пурпурная искра третьей космической ракеты рдёт над новым лунным дискоом. Это блокировка коябрьского номера журнала «Советский Союз».

Номер посвящен празднованию десятилетия юбилея Китайской Народной Республики, на котором присутствовала партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым, и визиту Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки.

У трех событий — общий исток: крепчущий день от дна могущества миролюбивого социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Мы первыми прокладываем пути в космос, в наше братство и союзники, дружба с которыми окрепла в совместной борьбе за победу социализма; как равные, как величайшая держава, мы стремимся путем переговоров с другой величайшей державой найти пути к укреплению блатогодаря нашего дела мира.

Журнал опубликовал материалы своих специальных корреспондентов Николая Грибачева и Анатолия Гаранина о встрече в Америке не по самым горячим следам событий. Однако,знакомясь с ними, лишний раз убеждаешься: да, визит Никиты Сергеевича Хрущева в

США не только был и есть, но и надолго останется мировым событием номер один! Интерес к нему не ослабевает, это событие с глубокими и разносторонними последствиями, которые мы будем ощущать не только сегодня и даже не только завтра...

Неторопливо и внимательно перелистывая страницы журнала, мы как бы снова оказываемся в гуще событий, взволновавших мир. Сыны стоянок, мастерски выполненная фотолетопись визита Тут идержано-торжественная обстановка Белого дома, и утомляющий сверхстремительный темп передвижения в колце трачущих мотоциклов; доброжелательное простородечье пittsburghских металлистов и неистовствующих взволновавшихся толпами толпа фотографов; кудурузное поле и трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, с которой прозвучало советское предложение о разоружении...

Мы улавливаем какие-то новые детали, вполне ощущаем атмосферу визита, в которой сталкивались столько сложных течений, формирующих политический климат. Нет, все лица — дружественны. Взглядите на снимок встречи в Национальном клубе печати, под крышей которого собираются и те, кто отдал свою службу «холодной войне».

Зато какого каждого из нас тепло-сердечных встреч высокого посланца Советской страны с людьми из народа в доках, на ферме, на улицах, в студенческой аудитории. Наблюдающему фотографу видно, как вспыхивает визит в Америке. Выражение тысячи лиц, на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американцев настолько выразительно, что под такими снимками не нужны пропагандистские подписи. Да, эти люди хотят мира так же горячо, как и мы. Написанные русскими буквами немного именами пластики, который господин Локнер вывесил у дороги «Товарищ Хрущев Вместе с людьми», на лету схваченное объективом в толпе, рвущейся сквозь полицейский кордон, и облепленных жителями городов Балканах, на дорожных перекрестках говорят об истинных настроениях простых американ